

# Звезда Давида

Давид Маркиш, писатель и сын писателя Переца Маркиша, живет в Израиле и сочиняет романы об истории России

В прошлом у Давида Маркиша остался Советский Союз, где по «Делу еврейского антифашистского Комитета» расстреляли его отца, ссылка, полученный там туберкулез, диссидентство. И молодость. В Израиле – служба в армии, журналистика, наконец, писательский труд. Маркиш сделал все, что полагается настоящему мужчине: построил уютный дом, посадил дерево (гранатовое) и вырастил сына – даже двух. Старшего назвал в честь деда – Перец. Перец Маркиш – младший с творчеством деда почти не знаком, ибо на идиш не читает и не говорит. На русском изъясняется с явным трудом, что сильно огорчает отца, вращающегося в русскоязычном кругу... Недавно у Давида Маркиша появилась новая «общественная нагрузка» – он создал Ассоциацию творческой интеллигенции.

– Чем занимается ассоциация творческой интеллигенции и почему вы решили «придумать» ее?

– Ну представьте себе, приезжает художник – в широком смысле этого слова – из России в Израиль. Все незнакомо, все чужое. Как адаптироваться, как найти себя, не истрепав нервную систему? Ассоциация должна помочь людям творчества не чувствовать себя в стенах психологического гетто, а войти в израильскую культуру, стать частью израильской жизни.

– Когда-то в России вы возглавляли клуб творческой молодежи...

– Было дело. Действительно, в Москве в начале 60-х годов я был президентом клуба творческой молодежи, обосновавшегося в ЦДРИ. Наш клуб стал одним из ростков того, что потом называли движением шестидесятников. Нам тогда дали возможность относительно свободно заниматься своим делом...

– Ностальгируете?

– Нет, вспоминаю.

– Ассоциация творческой интеллигенции – русскоязычная. Творческая интеллигенция едет только из России?

– Нет, конечно. Но россияне – пятая часть всей нашей иммиграции. Так представьте себе, сколько творческих русскоязычных людей прибывает в Израиль! Мы были бы рады, если бы к нам присоединились приехавшие из других стран. Но этого не происходит – опять же из-за языка. Объединяется-то всех прежде всего язык. Кстати, знаете, что мы придумали? Хотим воспользоваться проверенным советским опытом – опытом положительным. В маленьком тихом мес-



тчке будет построен Дом творчества. Пусть наши «творцы» сидят там до полугода – бесплатно – и занимаются своим делом. А публиковаться они смогут в публицистическом альманахе, который будет выходить раз в квартал. Редактировать его будет мой брат, Шимон Маркиш, он специально приедет на год из Женевы. Теперь ищем спонсоров. А еще обязательно построим богадельню для творческих работников – тоже по «аналогии» с Россией.

– Выходит, перенимаете наш передовой опыт?

– А как же!

– Чем занимаетесь в свободное от общественной работы время?

– Журналистикой, как вы знаете, – пишу в «Известиях». Еще в Советском Союзе, в молодости, я печатался в «Московском комсомольце». А первая моя публикация вышла в «Московских новостях» – под псевдонимом: моя фамилия, конечно, была запрещенной... А основное нынешнее занятие – писательство. Каждый день, часов с пяти утра сажусь за стол и работаю... Я много ездил по белу свету, теперь хочу сидеть дома и принадлежать самому себе. Знаете, какая была моя самая первая работа? Я в ссылке играл в похоронном оркестре. Слуха у меня нет никакого, но на тарелках я играл. Денег не платили, но кормили на поминках. Мне было 14 лет.

– Вы уехали, просидев много лет в «отказе».

– Я пытался понять, почему меня не выпускают. Ведь никакой «секретности» у меня не было. Однажды, когда нас – отказников – в очередной раз собрал очередной чиновник из КГБ, я подошел к нему и спросил: «Гражданин начальник, объясните причину отказа. Ведь никакого «допуска» у меня и у моей матери нет». И он очень серьезно ответил: «Ошибка – у вас был допуск – к советскому образу жизни».

– Вы, уже тридцать лет живя в Израиле, говорите и пишете исторические романы на русском, вращаешься в русскоязычной среде, работаете в русской газете. «Шуты» – о времени Петра Великого, «Полюшко-поле» – о Махно, «Стать Лютым» – о Бабеле... Парадокс?

– Да!

– Вам нравится?

– Мне нравится жить и жизнь... А где вы видели жизнь без парадоксов? Но вы не совсем правы – я дружи, по-настоящему, и с коллегами, пишущими на иврите. Это даже удобнее – мы не являемся конкурентами, поскольку работаем на разных «полях». Я таким образом избавлен от грязи с соратниками по цеху... Я вполне комфортно чувствую себя в израильской среде – я здесь дома – и все-таки пишу по-русски.

Для любого израильского писателя я – человек экзотический. Если бы я надел лаковые полусапожки, взял бы аккордеон, цепь с медведем и хлестал бы водку, все встало бы на свои места.

– Как говорил герой старого фильма, «все русские играют на барабанах».

– Точно!

– «Евреи эмигрируют в Израиль, чтобы русскими почувствовать себя» – это уже Губерман.

– Моя роль в этой стране достаточно странная. Книжки мои переводят с русского на иврит, но от этого они не перестают быть экзотичными. Россия для среднегоЙ израильтянина – это Сибирь, медведи и вечный холод. Я эти правила игры принял безоговорочно, они мне не мешают. Но никто не мешает мне писать и печатать то, что хочу. Что для писателя лучше?

– Ваш отец жил в СССР и был еврейским писателем. Вы живете в Израиле, «погрузившись» в историю России. Вы русский писатель?

– Хороший вопрос... Меня интересует еврейская тема, тема жизни евреев в России. Меня интересует жизнь. Вообще проблема писательской самоидентификации очень условна. Язык – одна из важнейших ее составляющих, конечно. Но не всегда определяющая. Язык определяет сознание, ментальность. И наоборот. А вообще, не надо заниматься софистикой – «водораздел» проходит по линии «хороший – плохой» писатель. Какой я писатель – об этом судить не мне.

Юлия КАНТОР,  
спецкор «Известий» – специально  
для «Общей газеты»  
Тель-Авив